

УДК 271.2+070.1

DOI: 10.17223/19986645/55/18

Рецензия на книгу: Ностальгия по советскому / отв. ред. З.И. Резанова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. – 514 с.

В монографии представлены результаты междисциплинарного исследования феномена актуализации ностальгических переживаний советского исторического, социального, культурного опыта в современной России. Рассматриваются формы и содержание ностальгии по советскому в современном российском социуме, анализируются причины ностальгического поворота в массовых настроениях российских граждан, вопросы конструирования советского прошлого в постсоветскую эпоху и селекция его наследия, переинтерпретация его смыслов и ценностей в новых социальных контекстах, проблемы выделения социально-групповых и индивидуальных типов ностальгической рефлексии советского прошлого.

Для философов, социологов, политологов, культурологов, филологов, социальных работников и работников культуры.

«Ностальгия по советскому» – коллективная монография, в названии которой отразился феномен современного российского общественного сознания – тоска по родине, а родиной выступает советское прошлое, из которого родом поколение настоящее.

Новые условия бытия подвигают к их осмыслению в сравнении с недавним прошлым – далеко не однозначным, сложным, но в то же время светлым, с интенцией оптимистичности и вполне определенной верой в будущее и порождают ностальгию по ушедшему времени, находящую отражение в текстовом пространстве – медийном, художественном, ономастическом, в различных типах дискурсов и дискурсивных практиках.

Рецензируемая книга представляет собой опыт междисциплинарного научного исследования феномена ностальгии по советскому с применением методов современных гуманитарных наук, а потому претендует на выход за пределы его обыденного восприятия, на более глубокий взгляд на него в сопоставлении с аналогичными или возникшими в сходных условиях явлениями и, соответственно, на его если не исчерпывающее, то максимально полное объяснение.

Примечательно, что авторами рецензируемой монографии выступили представители различных научных школ разных университетов, объединение которых произошло под эгидой МИОН и под руководством Б.М. Гаспарова (Harriman Institute, Columbia University) в рамках проекта «Ностальгия по советскому в социокультурном пространстве современной России». Подобное объединение способствовало интеграции знания, полученного методами разных наук и разными методами одной науки, и позволяет соотнести полученные результаты исследования и, в случае близости или совпадения результатов, считать примененные методики и методологии разными способами решения одной задачи, а полученный ответ – достоверным.

Монографию открывает раздел «Ностальгия по советскому в социальных и культурных практиках современности: культуuroобразующие смыслы эпохи», в котором представлена философская интерпретация феномена ностальгии по советскому прошлому, что весьма целесообразно, поскольку позволяет посмотреть на проблему «с высоты птичьего полета», в контексте общего философского знания, в экзистенциальном ключе (Суханов В.А., с. 17–22) и в аспекте политической философии (Марков Б.В., с. 22–36), после чего вполне логично происходит конкретизация проблематики через исторический экскурс в советское время и решение вопроса отношения к нему по существу исторических и геополитических фактов (Зиновьев В.П., с. 36–42; Хатунцев С.В., с. 24–53). Далее в монографии анализируется спектр многообразных проявлений ностальгии по советскому времени в настоящем. В поисках ответа на вопрос, что есть такое ностальгия современного общества по еще вполне обозримому прошлому, авторы отмечают, что память современного общества – это не столько воспоминание о прошлом, сколько процесс конструирования прошлого (Завершинская Н.А., с. 53–72), который осуществляется в первую очередь через медиасферу – совокупность медийных текстов. Именно они «оказываются тем зеркалом, в котором отражается социальное сознание своими настойчивыми мотивами, случайно обнаруженными настроениями или четко сформулированными убеждениями» (Шмелева Т.В., с. 72–73). В нашем случае ностальгия по советскому – безусловно настойчивый мотив, переросший в культуuroобразующий смысл, сквозь призму которого воспринимается современность.

Во втором разделе монографии исследуются советские концепты, мифы, идеологемы, их смысловая наполненность и особенности репрезентации в современных текстах.

Политический конструкт «Победа» в контексте феномена ностальгии по советскому рассматривается как символ политической власти (Щербина Н.Г., с. 83–98), а навязываемый властью смысл современной политической реальности состоит в «сакральной легитимизации власти посредством героической модели» (с. 84). Планом выражения политического конструкта «Победа» является, по мнению авторов, праздник Победы в Великой Отечественной войне, который возвращает мышление коллективной

личности к архетипу Героя и архетипическому действию – парад Победы перед Вождем-победителем (там же), олицетворенном в Сталине. «Замалчивание или уничтожение знаковой роли Сталина лишь способствует стихийной реконструкции и воскрешению «имаго вождя», ведь его имя – первое в смысловом ряду» (с. 88). Можно не согласиться с утверждением авторов о том, что «концепт «Сталин» представляет собой ностальгический образный феномен» и что он «подлинно знаковая, а именно конструктивная фигура, функционально связанная с механизмом коллективного воспоминания и запасом общего политического знания» (с. 89), поскольку это утверждение является отражением социального сознания лишь части общества, преимущественно старшего поколения – современников этого Великого для страны события; для родившихся после войны, после смерти вождя и развенчания его культа безусловно знаковая фигура Сталина вряд ли относится к ностальгическим феноменам.

Весьма любопытным представляется опыт интерпретации ностальгических настроений современного общества на фоне утраченных иллюзий, возникших в результате так называемого коммунистического воспитания подрастающего поколения на текстах пионерских песен о Родине, которые были неременной частью общественного воспитательного процесса (Щербинин А.И., с. 98–209). Анализируя советские пионерские песни о Родине, А.И. Щербинин показывает аспекты формирования в сознании советского ребенка концепта «РОДИНА», определяющие ее смысл: родина красивая, родная, любимая («Хорошеет с каждым днем», «Нет страны ее родней», «Край родной, навек любимый»), вместе с тем родина требует признания и благодарности («В честь Родины прекрасной свершит он много дел», «Спасибо, Родина, тебе»), Родина имеет политическое значение («За детство светлое – / Спасибо, Партия, Спасибо, Родина, тебе!») и является оплотом социалистического строя и мира во всем мире («Родина строя и мира оплот – / наша Отчизна! Твердой рукой над нами зажжет / Свет коммунизма!») и т.д. Пионеры в песнях клянутся в любви к Родине и демонстрируют готовность к подвигу ради нее («Отдать тебе, Родина, наши сердца – / Клянемся, клянемся, клянемся!») и даже превозносят ценность героической жертвы («Погиб наш юный барабанищик, / Но песня о нем не умрет»). Такое воспитание способствовало, по мнению А.И. Щербинина, наделению родины смыслом, оказавшимся утраченным в постсоветское время, и эта утрата вызывает ностальгию по времени, в котором понятие «Родина» было наполнено высшим смыслом. Что касается нынешней России, то «у нее не хватает ресурсов приласкать своих граждан и не хватает авторитета потребовать от них жертвы» (с. 109). Признавая правомерность такого взгляда на истоки формирования патриотических чувств в советское время, позволим высказать следующее возражение. отождествление Родины и партии, которое присутствует в анализируемых автором пионерских песнях о Родине, необязательно способствует наполнению понятия Родины высшим смыслом: Родину любят не за то, что у нее есть Партия. отождествление Родины и Партии в сознании большинства

советских людей носило формальный характер. Понятие Родины, являясь чрезвычайно актуальным для русской культуры, сохранило свою актуальность и для человека новой формации – советского человека и представляло собой гораздо больше, чем диада «Родина – Партия», а чаще и вовсе не имело отношения к этой диаде. Однако нельзя не согласиться с автором в том, что определенность советской идеологии формировала «устойчивое представление об одной из главных гражданских ценностей, являвшихся неотъемлемой частью жизни советской личности» (с. 99), что, собственно, и порождает у современников ностальгию – тоску по Родине.

Понятие «советский человек», появившееся в советское время, постепенно приобрело мифологическое наполнение, которое подверглось трансформации в постперестроечную эпоху. Содержание этого мифологизированного понятия и особенности его реконструкции анализируются в монографии на основе материалов советских энциклопедических и идеологических источников, с использованием современных лексикографических данных и с привлечением электронного собрания текстов «Национального корпуса русского языка» (Резанова З.И., с. 110–126). Анализ лингвистического материала показывает преобразование мифологизированной лексемы в негативную оценочную номинацию «совок» по отношению к одному и тому же денотату. И, как следствие, «мифологичность смыслов, обозначенных именами *советский человек* / *совок*, полярность выражаемых оценок позволяют использовать их в условиях противопоставления «своего» прошлого («чужому») настоящему, обнаруживая его как в ушедшей эпохе, так и в реальности наших дней» (с. 125). При этом автор отмечает незначительную долю ностальгии в переосмыслении опыта советской эпохи при обращении к конструкту «советский человек» (с. 124).

Анализ новой лексемы «совок», в значении которой отразилась трансформация идеологизированной мифологемы «советский человек», продолжается на материале текстов, представляющих виртуальное дискурсивное пространство (Мишанкина Н.А., с. 126–138). Виртуальная коммуникация в Интернете «дает участнику коммуникации значительно большую свободу в моделировании и собственного образа, и процесса коммуникации» (с. 127), в том числе и свободу выбора топика, его «ненавязанность» извне. Количество реакций на тему, связанную с ностальгией по советскому, в неофициальной интернет-коммуникации (400 сообщений за 7 дней общения на форумах в Интернете) – показатель ее актуальности для сознания современника. Тема послужила толчком для оценивания событий настоящего момента: и здесь, в текстах интернет-дискурса, с одной стороны, вырисовывается «совковый идиотизм», проявившийся в высказываниях о семье и типах семейного взаимодействия, о быте и домашнем хозяйстве, об уходе за собой, о моде и отношении социума к внешнему облику, о политике, культуре, а с другой стороны, происходит переоценка феномена советского: «можно говорить о категориальной смене модуса осмысления, формально реализующегося в смене номинаций: совковый идиотизм сменяется ностальгией» (с. 133) – ностальгией, основанной на перцептив-

ном опыте (гастрономическом, в частности), на репрезентирующих советское время неприятных артефактах, на воспоминаниях об устаревших ценностях и т.п. В результате возникает настроение ностальгии по атмосфере своего детства, по ощущению своей «простой бедной» Родины, происходящей из советского прошлого. И закономерно возникает вопрос, вынесенный автором в название подраздела (**Родина или совок?**), который отражает противоречивость в оценке советского опыта.

В третьем разделе «Ностальгические тексты и дискурсы современности: субъекты и объекты ностальгии» анализируется проявление ностальгических переживаний по советскому прошлому в связи с определенными характеристиками субъекта ностальгии: его возрастом (старшее поколение / младшее поколение (Пикулева Ю.Б., Попкова Н.Н., с. 149–162); социальным положением («политическая и бизнес-элита» / «интеллигенция» / «простые люди») (Романенко А.П., с. 139–149); трудовым и профессиональным опытом (Орлова Н.В., с. 162–174; Купина Н.А., Долинина Т.А., с. 174–192); особенностями мироощущения, мировосприятия, осмысления своего места и своей роли в потоке жизни, в смене эпох (Лебедева Н.Б., с. 192–214). Ностальгические настроения проявляются у субъектов ностальгии по-разному: в одних исследованиях ностальгически окрашенные тексты являются реакцией на стимул исследователей, но в самих воспоминаниях участников прошедшей советской жизни – в мемуарах «неэлитарного» советского человека – ностальгические настроения выражены неярко: там «нет ни тоски по ушедшему, ни неприятия новых времен, ни зависти к более легкой и счастливой жизни молодежи, нет озлобленности и критицизма. В их мужественной и честной позиции есть приятие жизни и судьбы – как частной, своей, так и жизни в экзистенциальном масштабе, – приятие и осознание ее ценности» (с. 195).

Ностальгические тексты и дискурсы современности в четвертом разделе монографии рассматриваются с точки зрения своего содержания и формы его репрезентации. На диалектном материале на примере так называемого «советского текста», сформированного под влиянием институциональных дискурсов советского периода – политического и официально-делового (бюрократического), это делает И.В. Тубалова (с. 215–231) и приходит к выводу, что «обращение к событиям советского политического прошлого в рассказах-воспоминаниях представителей современной деревни в основном не демонстрирует ностальгических настроений информантов» (с. 229). Ностальгический пафос реализуется в «советском политическом тексте лишь в случае совпадения институциональной оценки события и индивидуально-личностных установок говорящего, например при воспоминании о событиях Великой Отечественной войны (с. 230).

В ином дискурсивном пространстве – в текстах автобиографических интервью горожан старшего поколения – исследует феномен ностальгии по советскому М.Б. Ташлыкова (с. 231–247): в них тема советской эпохи не была центральной, но обнаруживала свое «призрачное присутствие», по метафоричному определению цитируемого ею Энди Батфорда (с. 233).

В результате были сформулированы стереотипные представления, выступающие как основания для ностальгических настроений, и эти стереотипы совпали с теми, которые обозначены в соответственной исторической и социологической литературе (с. 236). Стереотипные представления реализуются через определенные когнитивные стратегии, ведущей из которых является стратегия генерализации, что «порождает совершенно очевидный прагматический эффект: в рассказах информантов возникает фантомный образ утраченного рая, в котором **всё** было доступно **всем** и **каждому**, в котором люди, предметы и времена года соответствовали самым высоким стандартам, а жизнь в целом была стабильна и предсказуема» (с. 244). Автор указывает на возможное неврологическое объяснение этого феномена, ссылаясь на работы специалистов и не преувеличивая важную роль советского прошлого в идентичности своих информантов.

Конструирование мифа о потерянном рае как причине ностальгии по нему осуществляется О.Л. Михалевой и И.А. Клешниним в разделе «Манипулятивный потенциал языковых средств репрезентации ностальгии по советскому» (с. 247–259). Ностальгию по советскому авторы рассматривают как «комплекс устойчивых долговременных психических переживаний экзистенциального характера, связанных с тем или иным аспектом реально или виртуально освоенного советского прошлого» (с. 247). Особенности проявления ностальгии обусловлены типологией субъектов ностальгии и проявляются в ностальгических текстах через совокупность языковых средств как манипулятивный инструмент, с помощью которого в текстах субъектов ностальгии актуализируется миф о потерянном, утраченном навсегда Эдеме, или «золотом веке» (с. 255–256).

Проблему речевой реализации советской тематики на примере устных метатекстовых высказываний горожан старшего возраста решает Е.В. Стародворская (с. 260–265), показывая их «двуслойность»: «говорящий одновременно сообщает информацию и цитирует» (с. 260), при этом «фигуральным автором «чужих слов» является целая эпоха, выразившая себя в огромном количестве текстов» (с. 261), а сами переключения в сферу «чужой речи» являются способом «отмежевания от произносимых слов» и не обязательно связаны с оцениванием. Степень чуждости у говорящих может быть различной: от отказа автора признать официозную конструкцию «своей» до стремления придать своему высказыванию символическую ценность за счет апелляции к образцу речи (с. 265).

Лингвистический раздел завершается ономастической темой, которую поднимает Г.Н. Старикова, анализируя городскую ономастику в ракурсе ностальгии по советскому (с. 266–270). Автор анализирует волны переименований объектов городского пространства и их основные векторы в XX – начале XXI в. и приходит к выводу, что популярные в советское время названия городских объектов вновь оказываются востребованными, и дает этому явлению прагматическое объяснение: «...истинная ностальгия нынешнего общества, пресытившегося заумным и непонятым, по недавно ушедшим временам видится в названиях информативного характера, про-

стных и понятных, что было характерно для советского времени» (с. 270). Кроме того, консервативный подход в наименовании городских объектов является своеобразной скрепой времен, не допускает их окончательного разрыва, если рассматривать это явление в контексте философских воззрений Н.А. Бердяева, которого цитирует автор, находя в его трудах философское обоснование текущих ономастических процессов: «...чувство вечности острее чувствуем мы в нашем обращении к прошлому» (с. 270).

Раздел «Эстетико-художественные практики как формы переживания ностальгии по советскому» поворачивает тему ностальгии по советскому в другую плоскость словесности – современную художественную прозу, публицистику и поэзию.

Интригующие размышления Б.М. Гаспарова (с. 271–279) о закономерности возникновения литературы социалистического реализма в контексте мировой и отечественной культуры начала XX в. представляют собой разгадку ее «харизматической притягательности» и обосновывают предпосылки этой притягательности. Анализируя тип героя социалистического реализма, автор отмечает, что он «находит ключ к разрешению проблемы романтического сознания: как обрести потерянный рай абсолютной гармонии, из которого человека извергла свободная воля» (с. 276). Вечная печальная метафора потерянного рая наконец получает некую позитивную перспективу в литературе социалистического реализма, отнюдь не приукрашивающей действительность: «...напротив, чем мрачнее и болезненнее физическая реальность, окружающая героя, тем в более чистой форме выступает экстатический эффект обретенной внутренней гармонии» (с. 276). А не это ли является основой оптимистичного пафоса советского времени, имевшего разные формы реализации и сулившего «обретение метафизической гармонии, где слово означает мысль, а мысль – слово, где между личностью и коллективом, духовным миром и материальным существованием нет противоречия, а лишь взаимообогащающее единство» (с. 279)?

Однако анализ художественных текстов постмодернистской и реалистичной прозы, публицистики и литературной критики постсоветского времени показывает разную реакцию современных авторов на советское время: от «отсутствующей ностальгии» до разной степени ее проявления в зависимости от жизненного опыта и мировоззренческих установок авторов, от особенностей общекультурной ситуации (Говорухина Ю.А., Каминский П.П., Суханов В.А., с. 279–326). Так, «апелляция к народно-смеховой культуре в постмодернистской прозе трансформируется в трагифарс, в разложение концептов, связанных с советским образом жизни» (с. 283–284), реалистическую прозу последнего десятилетия также «мало волнует и ностальгирующий дискурс, и ностальгический персонаж, поскольку в сферу сознания героев и авторов входит не столько советское, сколько постсоветское прошлое как катастрофа» (с. 286) либо в реалистической прозе советский человек и советское прошлое выступают как неизменный объект иронии (с. 290). Авторы приходят к выводу об отсутствии ностальгии по советскому как феномену социального и экзистенциального

существования и предмету исследования в художественном дискурсе конца XX – первого десятилетия XXI в. и называют причины этого явления (с. 293–294).

Весьма любопытным представляется исследование отношения к советскому в публицистических произведениях В. Астафьева, С. Залыгина и В. Распутина, демонстрирующих реальную неоднозначность и противоречивость советского опыта. Субъективные и объективные факторы формируют различные объекты ностальгии: у В. Распутина – это Советский Союз: писатель последовательно выявляет его «конструктивные значения» в сфере государственности, социальных отношений, нравственности и культуры, отвергая при этом авторитарный дискурс (с. 310), у В. Астафьева и С. Залыгина – это эпоха в ее экзистенциальном измерении (с. 313).

Заключительные 6-й и 7-й разделы монографии посвящены конструированию и трансляции ностальгии по советскому в медиадискурсах и коммуникативном пространстве Интернета.

Текстовое пространство постсоветских медиадискурсов можно определить как «организованную ностальгию» по советскому прошлому (Говорухина Ю.А., Каминский П.П., Суханов В.А., с. 358–376). СМИ характеризуют как предметные области прошлого, которые вызывают ностальгические переживания, так и различные аспекты ностальгии: фундаментальный, экзистенциально-психологический, институциональный (с. 363). Большое количество медийных рефлексий в отношении советского прошлого положительны, как показывают многочисленные примеры, приведенные авторами. В то же время очевидно, что реставрация семиотики советского постепенно становится частью идеологической политики, а современное российское государство, как констатируют авторы публицистических произведений постсоветского периода, по сути представляет собой кальку с советского государства (с. 374).

Оригинальные выводы в отношении исторических персон России, выступающих объектами ностальгии, сделаны авторами подраздела «Российская история как объект и средство манипулятивной медийной коммуникация» (Голев Н.Д., Яковлева О.Е., Стяжкина Л.А., с. 376–407). Материалом для анализа послужили дискурсивные практики, реализованные в рамках телевизионного проекта «Имя Россия» (2008), название которого стало «брендом, объединяющим обыденные и научные рефлексии, идеологические и прагматические (маркетинговые) идеи, народные «чаяния» и интересы политической элиты» (с. 376–377). Ностальгия здесь рассматривается как объект и средство манипуляции, при этом «и чувство ностальгии, и языковые формы его репрезентации включаются в маркетинговые отношения, в которых язык предстает как специфический товар» (с. 376), активно эксплуатируемый в рекламной, медийной и политической коммуникации. В результате анализа дискурсивных практик проекта «Имя Россия» были выявлены различные содержательные типы дискурсов и содержательные типы их концептов: националистический, политический, геополитический и связанный с ними ностальгический дискурс, актуальность которого обу-

словлена усилением консервативных и ностальгических настроений в обществе по причине осознания респондентами своей исключительности, превосходства, причастности к чему-то «особенному», «сверхзначимому», великим державе, империи, народу (с. 405). При этом практики ностальгирования и способы их вовлечения в различные манипулятивные дискурсы при общем объекте существенно различаются (с. 406).

Собственной спецификой, формирующей особую картину мира, обладают дискурсивные практики региональной прессы, в которой ярко проявляются следы донорского дискурса – советского – на уровне идеологических штампов, прецедентных феноменов, грамматических показателей, отсылающих к символике советского, о чем пишет Л.И. Ермоленкина (с. 407–419), при этом основным модусом публикаций становится модус высокой положительной оценки, а «семантика перфектности определяет содержательное наполнение большинства информационных событий» (с. 415). Региональная пресса в этом смысле – это своего рода шаг назад – в советское прошлое, и фиксация этого явления представляет собой интерес как факт истории СМИ.

Неотъемлемое от современной жизни интернет-пространство усилило вектор ностальгических настроений. Анализ содержания огромного количества существующих в пространстве Интернета сайтов, посвященных советскому прошлому, осуществленный Ю.А. Говорухиной, П.П. Каминским и В.А. Сухановым, также показывает, что они направлены на формирование положительного образа СССР (с. 438–448). При этом сайты выступают как «ресурсы, предназначенные для хранения воспоминаний о СССР» через размещаемые там фото и видео. По этой причине «советское предстает как особый язык и образ мышления, запечатленный в предметном, вещном как разновидности сохранения советского» (с. 448). Кроме того, интернет-пространство дает возможность непосредственной, свободной коммуникации о советском и потому может быть рассмотрено, по мнению авторов, как форма «самоорганизующейся ностальгии».

Интересные наблюдения над непрямым выражением советского в дискурсивных практиках, реализуемых в интернет-коммуникации, а именно в чат-коммуникации, сделаны Ю.А. Эмер и Л.М. Гриценко (с. 460–475). Советские прецедентные тексты как «капитал прошлого» (с. 461) используются коммуникантами в интернет-текстах, отражая ценностные установки интернет-сообщества (с. 463). Отражают ли советские прецедентные тексты в речевой практике чатеров и блогеров ностальгию по советскому? В фокусе исследовательского внимания находились представители постсоветского поколения, а избранные для исследования чаты не являлись тематически закрепленными и не имели постоянного состава участников. Анализ показал, что советские прецедентные тексты активно используются, как правило, в трансформированном виде и ироническом ключе, что позволяет говорить о них как части современной культуры, в которой, с одной стороны, аккумулируются ценностные установки «советского» и «постсоветского» человека, а с другой – конструируется особая модель современ-

ной российской культуры – «псевдоностальгирующая» по советскому (с. 475).

В заключение подчеркнем междисциплинарность осуществленного коллективного исследования как исследования современного типа, характеризующегося комплексным подходом и дающего многостороннее освещение объекта изучения. Необходимо отметить высокий научный уровень представленных в монографии материалов, оригинальные повороты темы, позволяющие почувствовать глубину и полноту научного контекста заявленной проблемы и дающие новую пищу для исследовательских рефлексий в поисках истины.

Монографию «Ностальгия по советскому» можно с полным правом отнести к лучшим образцам научной беллетристики, дающей взыскательному читателю ответы на вопросы о жизни, о времени и о себе в контексте современного гуманитарного знания.

Е.А. Оглезнева

BOOK REVIEW: REZANOVA, Z.I. (ED.) (2011) *NOSTAL'GIYA PO SOVETSKOMU* [NOSTALGIA FOR THE SOVIET]. TOMSK: TOMSK STATE UNIVERSITY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 55. 260–269. DOI: 10.17223/19986645/55/18

Elena A. Oglezneva, Tomsk Polytechnic University; Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: eoglezneva@yandex.ru

The monograph presents the results of an interdisciplinary study of the phenomenon of the actualisation of nostalgic experiences of the Soviet historical, social and cultural experience in modern Russia. It examines the forms and content of nostalgia for the Soviet in modern Russian society, analyses the reasons for the nostalgic turn in massive sentiments of Russian citizens, the design of the Soviet past in the post-Soviet era and the selection of its heritage, the reinterpretation of its meanings and values in new social contexts, the problems of identifying social group and individual types of nostalgic reflection of the Soviet past.

The book is of interest for philosophers, sociologists, political scientists, cultural studies researchers, philologists, social workers and cultural workers.